

ОБРАЗОВАТЕЛЬНОЕ ПРАВО И ТРУД: ПРОШЛОЕ, НАСТОЯЩЕЕ И БУДУЩЕЕ

УДК 349.2, 378.014.15, 378.4

О правовом статусе преподавателей университетов Российской империи

Е. Б. Хохлов

Санкт-Петербургский государственный университет,
Российская Федерация, 199034, Санкт-Петербург, Университетская наб., 7–9

Для цитирования: Хохлов, Евгений Б. 2024. «О правовом статусе преподавателей университетов Российской империи.» *Ежегодник трудового права* 14: 7–27.
<https://doi.org/10.21638/spbu32.2024.101>

В настоящее время в России намечается проведение новой реформы высшего профессионального образования. Эта реформа должна затронуть весьма широкий круг вопросов, характеризующих разные стороны жизни учреждений высшего профессионального образования, — как организационных, определяющих внешние формы этой жизни, так и содержательных сторон деятельности вузов, т. е. таких, которые определяют смысл самого их существования. Совершенно очевидно, что любая социальная реформа перед началом своего проведения должна иметь ответы на три главных вопроса. Прежде всего, требуется максимально детальный анализ сложившейся и действующей на данный момент модели, выявление и констатация негативных и, что вовсе не исключено, позитивных моментов в ее функционировании. Во-вторых, нужно стремиться к тому, чтобы построить возможно более детальный проект той модели, которая должна быть создана в результате реформы. Наконец, весьма важно выработать механизм перехода от действующей модели к новой. Этот механизм также должен быть весьма конкретен и вариабелен. Хотелось бы надеяться, что нынешние реформаторы не только сформулировали указанные три вопроса, но и дали ответы на них. При решении всех трех вопросов нужно опираться на исторический опыт. С одной стороны, практика дает нам многочисленные примеры разного рода моделей образования — как эффективных, так и вызывающих вопросы в этом плане. С другой стороны, существуют не менее многочисленные примеры собственно реформ образования, т. е. технологий перехода от одной образовательной модели к другой. Этот опыт нужно обязательно учесть. И Россия не является здесь исключением.

Ключевые слова: устав императорского университета России, преподаватель университета, профессор, действительный студент, адъюнкт, доцент, ученый совет, декан, ректор, синдик.

© Санкт-Петербургский государственный университет, 2024

1. Введение

К началу XX столетия в России сложилась широко разветвленная система образования. Элементы этой системы различались по уровням (церковно-приходские школы, гимназии, реальные училища, высшие учебные заведения), по профилю обучения (технические, сельскохозяйственные, коммерческие и прочие учебные заведения, наконец, университеты), по форме собственности, на которых основывалась их деятельность (частные, муниципальные, государственные). Наконец, насколько можно судить, некоторым учебным заведениям присваивался титул императорских.

Среди негосударственных учебных заведений можно в качестве наиболее ярких примеров назвать Московский коммерческий институт (в настоящее время Российский экономический университет; впрочем, по преобразованию Высших коммерческих курсов в институт в 1907 г. он получил статус высшего учебного заведения Империи) и Московский городской народный университет имени А. Л. Шанявского.

Что касается государственных учебных заведений, то они различались в зависимости от их ведомственной принадлежности. Это учебные заведения ведомства:

- 1) Министерства народного просвещения;
- 2) Министерства внутренних дел;
- 3) Министерства торговли и промышленности;
- 4) Министерства земледелия и государственных имуществ;
- 5) Министерства путей сообщения;
- 6) Министерства юстиции;
- 7) Министерства императорского двора;
- 8) Учреждения императрицы Марии;
- 9) Императорского человеколюбивого общества¹.

В мою задачу здесь не входит описание всей системы образования Российской империи, хотя, надо признать, уже само перечисление элементов этой системы вызывает чувство уважения. Ограничимся лишь характеристикой российских императорских университетов, причем в том виде, в каком они описываются в важнейших нормативных актах, обрисовывающих их статус и правовой статус их служителей.

2. Основное исследование

2.1. *Уставы императорских российских университетов: краткий исторический очерк*

Прежде всего, дадим краткое описание истории университетских уставов Российской империи, разумеется, не претендуя на полноту такого описания.

Как известно, основы организации науки и университетского образования начали закладываться в России в конце царствования Петра Великого. Следует при

---

¹ Несмотря на то что Общество, созданное в 1802 г., являлось благотворительной общественной, т. е. негосударственной, организацией, его служащие, включая и преподавателей, с 1858 г. являлись государственными служащими.

этом заметить, что мысль о необходимости создания в стране научных и образовательных центров возникла существенно раньше. Достаточно хорошо известно о стремлении царя Бориса Годунова реализовать эту идею.

По словам Н. М. Карамзина, «в усердной любви к гражданскому образованию Борис превзошел всех древнейших венценосцев России, имел намерение завести школы и даже университеты, чтобы учить молодых россиян языкам европейским и наукам», это намерение встретило одобрение «многих ревностных друзей просвещения» в Западной Европе. Это «важное намерение не исполнилось, как пишут², от сильных возражений духовенства, которое представило царю, что Россия благоденствует в мире единством Закона и языка; что разность языков может произвести и разность в мыслях, опасную для церкви; что во всяком случае неблагоприятно верить учение юношества католикам и лютеранам» (Карамзин 1993, 355). Оставив мысль заводить университеты в России, царь послал 18 молодых боярских детей в Лондон, в Любек и во Францию учиться языкам иноземным так же, как молодые англичане и французы ездили тогда в Москву учиться русскому³. В материальном обеспечении отсылаемых молодых людей участвовали русские власти⁴.

Для Петра уже не существовало препятствий, с которыми столкнулся Борис Годунов. В то же время Петр прекрасно осознавал то, что создание системы образования, прежде всего профессионального, является необходимым условием успешности проводимых им обширных внутренних реформ — поскольку практически каждая из них нуждалась как в кадровом, так и научном обеспечении. Поэтому создавалась целая *система* образования разнообразного уровня и преследующая широкий набор целей — от подготовки священнослужителей до обучения специалистов в различных отраслях хозяйства.

Важнейшим элементом реформы образования явилось создание в России научных и образовательных центров по подготовке кадров высшей квалификации. В качестве одной из первых мер в этой области можно назвать создание в Петербурге Морской академии, в задачу которой входило обучение офицеров создава-

---

² Н. М. Карамзин, судя по всему, имеет здесь в виду иностранца Конрада Буссова, бывшего очевидцем и участником событий, происходивших в России в начале XVII в. О нем и о содержании его «Хроники» см., например: (Аделунг 1863, 26–66).

³ Свидетельство об отправке для обучения за границу именно 18 молодых русских людей — по шесть в Любек, в Англию и во Францию — принадлежит упомянутому выше К. Буссову (Аделунг 1863, 31).

⁴ Принято при этом констатировать, что из посланных за границу ни один не вернулся назад, причем за такой констатацией прямо или косвенно стоит мысль, будто молодые люди, познав преимущества тамошней жизни, не захотели вернуться в Россию. И та, и другая констатации абсолютно неверны. Во-первых, в тот период, в отличие от позднейших времен, отъезд за границу как для самого молодого человека, так и для его родителей являлся величайшим несчастьем, поэтому, если это несчастье случалось, человек стремился вернуться на родину при первом случае. После Годунова и вплоть до Петра желание ехать в иные страны для обучения изъясляли чуть ли не исключительно русские (московские) «немцы». Во-вторых, достоверно известно, что не вернулись в Россию только посланные в Англию, причем лишь один категорически отказался возвращаться, а остальные попросту пропали без вести (по слухам, погибли в войнах, которые вела Англия). Этому одному тоже не слишком повезло на новой родине: он принял католичество, стал пастором, и в этом своем качестве пострадал в ходе религиозной борьбы в стране. Что касается посланных в другие европейские страны, то сведения о них крайне отрывочны — главным образом в силу разразившейся в России Смуты, когда было потеряно государственное управление, в том числе утрачен контроль за обучением командированных за границу.

емого российского военно-морского флота. В «Инструкции Морской академии в Санкт-Петербурге» от 1 октября 1715 г.⁵ Петр, в частности, указывает: «Оные (т. е. флотские чины, “морская гвардия”, как они определяются в “Инструкции”. — Е. Х.) трудиться имеют, обучаться тому, что их учителя, профессеры учить будут, и оные со всяким примечанием должны принимать все представления, которые помянутые учителя профессеры оным учинят, и должны будут и оным надлежащее почтение иметь, под наказанием» (п. 4). Перечень наук, которые должны преподаваться в Морской академии, был установлен в начале 1719 г.⁶ Предписывалось «в Академии учить наукам, арифметике, геометрии, навигации, артиллерии, фортификации, географии, рисовать, живописного, и воинским обучениям, мушкетами и на рапирах, и некоторых астрономии, и для того учения, учителей, которых науке ныне в Академии не обретається, прибрать способных, а для раздачи денежные казны комиссара, да для смотрения над учителями и над школьниками товарища, да для перевода книг, принадлежащих к наукам, переводчика». Позднее Адмиралтейским регламентом этот перечень был расширен (п. 59 гл. 1)⁷.

В начале 1724 г. именным указом предусматривается учреждение «Конторы инженерской», «и чтоб обучать при инженерстве гидройке и отчасти мурверк»⁸.

Указанные учебные заведения, как видим, создавались для подготовки специалистов высокого уровня квалификации, но в достаточно узких областях. Вместе с тем правительство осознавало необходимость формирования научных и образовательных центров широкого профиля. В правильности этой позиции Петра убеждали и контакты с выдающимися западноевропейскими учеными, такими как Г. В. Лейбниц.

В 1715 г. иностранец на русской службе Генрих фон Фик был направлен во враждебную Швецию для сбора информации об организации системы государственного управления в этой стране. Это задание Г. Фиком было блестяще выполнено, и по приезду в Россию он представил царю для рассмотрения обширный «мемориал» со своими предложениями о проведении соответствующих реформ в нашей стране. Мемориал был рассмотрен и в целом одобрен Петром 11 июня 1718 г.⁹ В числе прочего Г. Фик предлагал царю рассмотреть дополнительно еще три подготовленных им «малых» мемориала, в числе которых мемориал «о нетрудном обучении и воспитании российских молодых детей, чтоб оных в малое время в такое совершенство поставить, дабы Ваше величество все гражданские и воинские чины в коллегиях, губерниях, судах, канцеляриях, магистратах и прочее своими природными подданными наполнить, також и собственной своей земли, из детей искусных купеческих людей художников, ремесленников, шкиперов и матрозов получить могли...» (п. 11). Резолюция Петра: «Сделать Академию, а ныне приискать из русских кто учен, и к тому склонность имеет,

⁵ Полное собрание законов Российской империи (далее — ПСЗ). Т. V. № 2937.

⁶ Высочайше утвержденный 11 января 1719 г. доклад о науках, предназначенных для преподавания в Морской академии // ПСЗ. Т. V. № 3276.

⁷ Регламент о управлении Адмиралтейства и верфи, и часть вторая Регламента морского (5 апреля 1722 г.) // ПСЗ. Т. VI. № 3937.

⁸ ПСЗ. Т. VII. № 4427.

⁹ ПСЗ. Т. V. № 3208.

также начать переводить книги юриспруденции, и прочие, кто сие учинить сего году начало».

К практическим действиям по реализации этого указания правительство смогло, однако, приступить только в начале 1724 г. Упомянутый выше указ от 20 января 1724 г., помимо «Конторы инженерской», предусмотрел создание «Академии, в которой бы языкам учились, также прочим наукам и знатным художествам и переводили книги», а также предписал «назначить место для сего и доход». Уже через неделю принимается новый указ, учреждающий Академию, определяющий цели и, соответственно, организационную структуру, а также конкретизирующий источники доходов на ее содержание¹⁰.

Как гласит проект учреждения Академии, «к расположению художеств и наук употребляются обычно два образа здания: первый образ называется Университет; второй Академия или соиетет художеств и наук». Этот тезис далее разъясняется (§ 1): «Университет есть собрание ученых людей, которые наукам высоким, яко феология (теология. — Е. Х.) и юриспруденции (прав искусству), медицины и философии, сиречь до какого состояния оные ныне дошли, младых людей обучают; Академия же есть собрание ученых и искусных людей, которые не токмо сии науки в своем роде в том градусе, в котором оные обретаются, знают, но и чрез новые инвенты (издания) оные совершить и умножить тщатся, а о обучении прочих ни какого попечения не имеют». Составителям проекта известно, что в Западной Европе университеты и академии наук существуют как совершенно автономные друг другу учреждения (§ 2), однако «понеже ныне в России здание к возвращению художеств и наук учинено быть имеет, того ради невозможно, чтоб здесь следовать, в прочих государствах принятому образу, но надлежит смотреть на состояние здешнего государства, как в рассуждении обучающихся, так и обучающихся, и такое здание учинить, чрез которое бы не токмо слава сего государства для размножения наук нынешним временем распространилась, но и чрез обучение и разположение оных, польза в народе впредь была» (§ 3).

Далее следует разъяснение причин, по которым Академия наук и Университет в России должны организовываться в тесной связи друг с другом: «При заведении простой Академии наук обои намерения не исполнятся, ибо хотя чрез оную художества и науки в своем состоянии производятся и распространяются, однако же оные не скоро в народе расплодятся»; еще хуже дело может сложиться при учреждении автономного Университета, поскольку в стране пока не существует системы школьного образования — «прямых школ, гимназиев и семинариев нет, в которых бы младые началам обучиться и потом выше градусы наук восприть и угодными себя учинить могли, то невозможно, дабы при таком состоянии Университет некоторую пользу учинить мог» (§ 4).

Поэтому с учетом специфики места и времени предлагается не раздельное существование Академии наук и Университета, а творческое сотрудничество этих институтов, в рамках которого «самолутчие ученые люди», занимаясь наукой, од-

---

¹⁰ Именной указ, объявленный из Сената 28 января 1724 г., об учреждении Академии и о назначении для содержания оной доходов таможенных и лицензных, собираемых с городов Нарвы, Дерпта, Пернова и Аренсбуга. С приложением проекта об учреждении Академии // ПСЗ. Т. VII. № 4443.

новременно «младых людей... публично обучали» бы, а в то же время студенты привлекались бы к научным исследованиям, с тем чтобы «младых людей первым фундаментам (основательствам) всех наук паки обучать могли». Короче говоря, «егда оные же члены те художествы и науки публично учить будут, то подобна оная будет Университету, и такую же прибыль произведет» (§ 5–6). При этом предполагалось, что члены Академии наук «обязаны будут в своей науке ежедневно один час публичных лекций иметь, как и в прочих университетах» (§ 16). Таким образом, Академия создавалась как научно-образовательное учреждение, сочетавшее в себе осуществление и научного поиска, и деятельности по обучению.

Что касается непосредственно структуры Университета, то авторы проекта исходят из того, что он должен быть чисто светским учреждением: он должен включать в себя факультеты юриспруденции, медицины и философии, а «факультет феонологии здесь отставляется, и попечение о том токмо Синоду предается» (§ 14–15).

Уже после смерти Петра, 23 февраля 1725 г., именным указом российскому послу кн. Б. И. Куракину было предписано организовать приглашение ученых людей в Российскую академию наук; одновременно предусматривалась выдача желающим ехать в Россию нужных пособий¹¹. Как следует из именного указа, данного Сенату 7 (21) декабря 1725 г.¹², уже к концу года приглашенные ученые прибыли в Россию; этим же указом президентом Академии наук был назначен Л. Л. Блюментрост (1692–1733).

В середине столетия, при Елизавете Петровне, появляется правовой акт, в котором подводятся некоторые итоги истории Академии наук и Университета с момента их создания и намечаются задачи по дальнейшему развитию этих социальных институтов¹³. В целом оценка прошедших двух десятилетий дается здесь не слишком позитивная: «...по сие время Академия наук и художеств плодов и пользы совершенной¹⁴ не произвела». Причина: «...по тому только одному, что не положен был Регламент и доброе всему определение и не сочинен был штат, как должностей всех, так и их содержания; что намерен был не токмо сам государь император Петр Великий, но и государыня императрица Екатерина Алексеевна конечно учинить, ежели бы смерть не застигла обоих сих монархов».

Заметим, однако, что оценка эта отличается некоторой пристрастностью. Прошедшее время отмечено известными успехами в области как российской науки, так и российского университетского образования. В частности, в 1735 г. Синодским указом¹⁵ было предписано направить в Академию для обучения в Университете из Заиконоспасского училищного монастыря, т.е. московской Славяно-греко-латинской академии, 20 наиболее успешных учеников. Как следует из более позднего акта¹⁶, в январе 1736 г. в Академию прибыли 12 человек (включая и будущего академика и ректора Санкт-Петербургского университета М. В. Ломоносова). В этом же

¹¹ ПСЗ. Т. VII. № 4663.

¹² ПСЗ. Т. VII. № 4807.

¹³ Регламент Императорской Академии наук и художеств в Санктпетербурге, утв. 24 июля 1747 г. // ПСЗ. Т. XII. № 9425.

¹⁴ В данном случае следует понимать «надлежащей» или «ожидаемой» пользы.

¹⁵ Синодский указ от 30 сентября 1735 г. о выборе в Спасском училищном монастыре 20 человек учеников, за свидетельством ректора и учителей и об отсылке их в Академию для слушания высших наук // ПСЗ. Т. IX. № 6816.

¹⁶ Резолюция кабинет-министров от 20 марта 1740 г. на сообщение Сената об определении жалования студентам Академии наук, по их успехам в науках // ПСЗ. Т. XI. № 8041.

акте даются сведения о финансировании научной и образовательной деятельности Академии, включая направление студентов для образования за границу¹⁷. В 1736 г. в Академию направлены два японца, принявшие веру греческого исповедания, для обучения студентов японскому языку, в 1741 г. — китаец Федор Петров для обучения китайскому и маньчжурскому языкам¹⁸. Предпринимаются командировки в разные регионы страны с научными¹⁹ и образовательными²⁰ целями; отпускаются денежные средства на приобретение научного оборудования²¹.

Регламент 1747 г. в целом воспроизводил организационную схему, одобренную Петром. В соответствии с ним Академия разделялась «на Академию собственно и на Университет». При этом, однако, Университет оставался частью Академии («другая часть Академии есть Университет»).

«Университет есть собрание учащихся и учащихся людей. Первые называются профессора, а другие студенты» (п. 37 Регламента). Заметим, что такое определение воспроизводится в других, более поздних, университетских уставах.

Регламентом определялись состав профессоров, отрасли научного знания, которые должны были преподаваться в Университете, и языки преподавания (латинский и русский), организационная структура, т. е. внутренние университетские подразделения, а также требования, предъявляемые к студентам.

Следует подчеркнуть, что Петербургский университет определялся как принципиально всесословное учреждение. С одной стороны, устанавливалось, что профессорами Университета могут быть «всякого закона люди», т. е. любого вероисповедания, при условии, чтобы ничего противного православному греческому вероисповеданию они не внушали учащимся (п. 43); с другой стороны, обучаться в нем дозволялось лицам любого сословия (кроме положенных в подушной оклад, впрочем, если такие уже имелись, следовало оставить их при Академии на службе). Часть студентов (до 20 человек) находились на содержании Академии, часть — на своем коште, при этом «вольных людей принимать выше сего позволяется, сколько случатся, и за науку ни от кого, как Академии, так профессорам и учителям от учеников ничего не требовать» (п. 37), т. е. обучение в Университете было бесплатным. Что касается студентов из дворян, то полагалось их на содержание академическое в Университет не принимать, «разве из бедных», «а обучаться им на своем коште». Успешно обучавшиеся в Университете студенты из дворян («ежели они на экзамене Академическом явятся в науках довольны») получали такие же преимущества («авантажи»), «как и в Кадетском корпусе» (п. 41). Примечательны сентенция Регламента о том, что, поскольку «в государстве люди способные весьма надобны», необходимо добиться того, чтобы такие люди не только бы «наполняли корпус Академической; но то бы весьма не мешало, ежели бы во всех состояниях, как военном, так и в гражданском, внутрь

¹⁷ Весной 1736 г. «отправлено в Фрейбург для обучения металлургии к берг-физику Генкелю 2 человека (которых на содержание отсылается в Академию по 1200 рублей в год из Штатс-Конторы)...». Как известно, одним из командированных был студент Михайло Ломоносов.

¹⁸ ПСЗ. Т. IX. № 6956; т. XI. № 8418.

¹⁹ ПСЗ. Т. XI. № 8023.

²⁰ Так, например, по Сенатскому приговору от 28 февраля 1737 г. один из присланных в Академию из Москвы студентов был отправлен в Оренбургскую экспедицию «для обучения тамошних отроков латинского языка».

²¹ ПСЗ. Т. XII. № 9202.

и вне государства, были российские люди ученые», и следующий из нее вывод: необходимо «из Кадетского корпуса тех, кто желает статских наук обучаться, на такие лекции в Университет отсылать, которых у них (т. е. в Корпусе. — Е. Х.) не учат, дабы профессоры никогда не были праздны, и тем не отговаривались, что у них нет учеников».

Именным указом от 24 января 1755 г. учреждается Московский университет²². В качестве уставного документа Университета выступал так называемый *Проект*, который был высочайше утвержден 12 января 1755 г.

Согласно п. 2 Проекта, вводится должность *куратора* Университета, в числе одной или двух «из знатнейших особ», которые избираются императрицей (подп. 1) и «которые бы весь корпус в своем смотре имели и о случающихся его нуждах докладывали ее императорскому величеству». Институт кураторов (в дальнейшем — попечителей) сохранился на протяжении всей последующей истории российских императорских университетов.

Университет, следуя традиции, заложенной при Петре, формировался как исключительно светское учреждение: богословский факультет не создавался, и «попечение о богословии справедливо оставляется Святейшему Синоду» (п. 4).

Общая лаконичность Проекта объяснялась тем, что все конкретные вопросы предполагалась сформулировать и развить в системе соответствующих законов, надежда на создание которых и выражалась в этом акте.

Насколько можно судить, такого рода законов на протяжении второй половины XVIII в. не последовало, во всяком случае по интересующей нас здесь части. Вместе с тем правительство не было намерено ограничиваться одним Московским университетом. Об этом свидетельствует предписание Екатерины II, данное Комиссии об учреждении училищ²³ 29 января 1786 г., «о составлении плана для заведения университетов в Пскове, Чернигове и Пензе»²⁴. Вопрос, однако, ставился гораздо шире: Комиссии предстояло приступить «к сочинению плана университетам и гимназиям в разных местах Империи нашей заводимым», для чего Комиссия получала право «требовать пособия силою сего указа нашего как от духовных училищ, так от Санкт-Петербургской академии наук и Московского университета, кои таковое пособие [были] всемерно подавать обязаны».

Конец XVIII — начало XIX столетия могут быть охарактеризованы как период активного формирования в России системы народного образования. Следует подчеркнуть, что речь идет именно о *системе*, включающей в себя в качестве звеньев образовательные учреждения разного уровня — от начальных училищ до университетов. При этом предполагалась специализация этих учебных заведений по различным признакам — вида образования (например, коммерческое училище²⁵), половой принадлежности обучающихся (учебные заведения для лиц женского пола), национальным (например, создавались учебные заведения для якутов), вероисповедальным, в частности, допускалось даже создание учебных

---

²² Именной указ от 24 января 1755 г. об учреждении Московского университета и двух гимназий. С приложением Высочайше утвержденного проекта по сему предмету // ПСЗ. Т. XIV. № 10346.

²³ Комиссия для заведения в России народных училищ была создана именным указом от 7 сентября 1782 г. (ПСЗ. Т. XXI. № 15507) и находилась в собственном ведении Екатерины II.

²⁴ ПСЗ. Т. XXII. № 16315.

²⁵ ПСЗ. Т. XXV. № 18960.

заведений для евреев (т. е. лиц, придерживавшихся иудаизма). Правда, в этом случае учебные заведения создавались по инициативе самих евреев и содержались за их счет (притом что допускалось обучение в других учебных заведениях без учета вероисповедания).²⁶

Планировалось учреждение Протестантского университета в Дерпте²⁷. Университет был открыт в конце апреля 1802 г.²⁸ В апреле 1803 г. Александром I принимается акт утверждения для императорского университета в Вильне²⁹. Устав (или Общие постановления) Императорского Виленского университета и училищ его округа утверждается 18 мая 1803 г.³⁰

Весной 1802 г. создается Комитет для рассмотрения устава Московского университета³¹, а двумя годами позднее высочайше утверждается Доклад Главного училищ правления об уставах Московского, Харьковского и Казанского университетов³². Одновременно, т. е. 5 ноября 1804 г., утверждаются *уставы* этих университетов³³ и их *Утвердительные грамоты*³⁴.

Таким образом, к середине первого десятилетия XIX в. в России формируется нормативная основа организации и деятельности императорских университетов. Уставы определяют организационную структуру университета, порядок его взаимоотношений с органами государства и его должностными лицами, построение учебного процесса, права, обязанности и ответственность профессоров, преподавателей и университетских чиновников, наконец, порядок приема на обучение, права, обязанности и ответственность обучающихся в университете лиц. Последующие нормативные акты в этой области воспроизводили эту выработанную схему, ограничиваясь внесением изменений в содержание отдельных ее элементов.

Первый *Общий* устав императорских российских университетов высочайше утверждается 26 июля 1835 г.³⁵; в дальнейшем издаются еще два таких Устава — от 18 июня 1863 г.³⁶ и от 23 августа 1884 г.³⁷ Следует при этом заметить, что все эти Общие уставы не были общими в полной мере, поскольку их действие распространялось лишь на Санкт-Петербургский, Московский, Харьковский и Казанский университеты, а позднее (после их создания) — на Университет святого Владимира (в Киеве) и Новороссийский университет (в Одессе). Таким образом, упомянутые

²⁶ См.: ПСЗ. Т. XXVIII. № 21547, п. 1, 6.

²⁷ В. у. 4 мая 1799 г. План Протестантского университета в Дерпте // ПСЗ. Т. XXV. № 18953. Как и Проект Московского университета 1755 г., указанный План фактически выполнял роль устава Дерптского университета. Новый Устав Императорского Дерптского университета высочайше утверждается 4 июня 1820 г. (ПСЗ. Т. XXXVII. № 28302).

²⁸ Сенатский указ от 26 мая 1802 г. // ПСЗ. Т. XXVII. № 20280.

²⁹ ПСЗ. Т. XXVII. № 2071. Виленский университет был основан в 1578 г., однако впоследствии прекратил существование; его деятельность была возобновлена в 1781 г.

³⁰ ПСЗ. Т. XXVII. № 20765.

³¹ В. у. 18 марта 1802 г. записка об учреждении Комитета для рассмотрения уставов Академии наук, Академии Российской и Московского университета // ПСЗ. Т. XXVII. № 20187.

³² В. у. 5 ноября 1804 г. Доклад Главного училищ Правления об уставах Московского, Харьковского и Казанского университетов и подведомых оным учебных заведений // ПСЗ. Т. XXVIII. № 21497.

³³ ПСЗ. Т. XXVIII. № 21498, № 21499, № 21500.

³⁴ ПСЗ. Т. XXVIII. № 21502, № 21503, № 21504.

³⁵ ПСЗ. Собр. 2. Т. X. Отдел. I. № 8337.

³⁶ ПСЗ. Собр. 2. Т. XXXVIII. Отдел. I. № 39752.

³⁷ ПСЗ. Собр. 3. Т. IV. № 2404.

уставы не применялись в отношении Дерптского (Юрьевского), Виленского, Александровского (в Финляндии) и Варшавского университетов, которые действовали на основании собственных уставов.

2.2. Система управления императорскими российскими университетами по университетским уставам

Эта система включала в себя управленческие звенья, внешние по отношению к университету, и внутренние органы университетского самоуправления.

Как неизменно подчеркивается в уставах, все университеты состоят под особым покровительством его императорского величества и носят имя *Императорских* (см., например, ст. 7 Устава 1835 г., § 123 Устава 1863 г., ст. 1 Устава 1884 г.).

Что касается системы органов внешнего по отношению к университету управления, то следует прежде всего назвать такую весьма примечательную фигуру, как *попечитель*. Это должностное лицо неизменно предусматривается всеми университетскими уставами. Как мы видели, при Елизавете этим статусом наделялись двое *кураторов*, которые назначались непосредственно императрицей и были подотчетны ей; в более поздние времена в качестве попечителя выступал попечитель соответствующего учебного округа³⁸. С созданием Министерства народного просвещения определенный объем компетенции в отношении университетов был закреплен за этим министерством (министром). В особенности его роль (как и роль попечителя учебного округа) возросла в силу последнего (1884 г.) университетского устава Российской империи.

Органами университета в силу уставов являлись: а) ректор; б) деканы факультетов; в) совет университета (в который входили по должности *все его профессора*³⁹) и факультетские собрания в составе профессоров факультетов; г) Правление, функционировавшее под председательством ректора и в состав которого входили деканы факультетов. Кроме того, следует упомянуть о таких должностных лицах университета, как *синдик* и *непременный заседатель* — член университетского Правления, первый избирался университетом «из своего сословия», второй назначался попечителем из числа его ординарных профессоров (см., например, § 5 и 6 Устава Московского университета 1804 г.)⁴⁰. Как следует из ст. 95 Устава 1835 г., синдик избирался попечителем из чиновников, имевших ученые степени по юридическому факультету, и утверждался «в сем звании» министром народного просвещения. При этом, поскольку «должность синдика не соединяется ни с какою другою должностью», синдик в любом случае не мог быть профессором университета. Более

---

³⁸ Устав Дерптского университета предусматривал создание Коллегии кураторов (состояла «из трех просвещенных мужей», избираемых рыцарством Лифляндским, Эстляндским и Курляндским по одному из каждой губернии и утверждаемых Сенатом (§ 21)).

³⁹ По университетским уставам 1804 г., в состав совета университета входили ординарные и заслуженные профессора и, кроме того, адъюнкты (см., например, § 4 Устава Московского университета); впрочем, § 47 того же Устава об адъюнктах как членах совета не упоминает. Общий устав 1835 г. предусматривает включение в состав совета университета и в факультетские собрания экстраординарных профессоров и адъюнктов.

⁴⁰ Впрочем, скорее всего, синдик и непременный заседатель есть одно и то же лицо. На этот вывод наталкивает содержание § 147 Устава Московского университета, где эти фигуры фактически отождествляются.

поздние университетские уставы должности синдика не предусматривают. Устав 1835 г. вводит должность *эзекутора*; Устав 1863 г. устанавливает две альтернативные должности: *проректора*, избираемого советом университета из числа его профессоров, либо *инспектора*, избираемого «из сторонних чиновников». Оба кандидата подлежали утверждению в должности министром народного просвещения, первый — на три года, второй — бессрочно (§ 63–65). В Уставе 1884 г. предусматривается должность *инспектора студентов*, определяемого министром народного просвещения по представлению попечителя учебного округа, под начальством которого он и состоял. Таким образом, инспектор студентов являлся внешним по отношению к университету органом управления, хотя в силу Устава он и подчинялся в своих действиях ректору и был обязан исполнять его законные требования (ст. 46, 47). Попутно заметим, что должность *инспектора казенных студентов* предусматривалась еще уставами 1804 г. (см., например, гл. XI Устава Московского университета), однако, во-первых, его компетенция, как видим, распространялась только на казенных, т. е. содержащихся казной, студентов, а во-вторых, инспектор избирался на должность университетским Собранием из числа ординарных профессоров (§ 115 Устава Московского университета).

2.3. О правовом статусе преподавателей императорских университетов

Правовое положение «личного состава Университета по учебной части» складывалось главным образом на протяжении XIX в. (в предыдущие годы как структура такого личного состава, так и правовой статус отдельных его представителей, в том числе и преподавателей, были довольно неопределенными, размытыми).

I. *О категориях служителей Университета.* В целом личный состав университетских служителей можно разделить на две группы: к первой принадлежат лица, так или иначе связанные с осуществлением научно-преподавательской деятельности; вторую составляют лица административно-хозяйственного персонала. В свою очередь, служащие, входящие в первую группу, разделяются на осуществляющих преподавательскую деятельность и лиц, состоящих при учебно-вспомогательных установлениях (библиотекари и их помощники, лаборанты, хранители научных кабинетов, астрономы-наблюдатели, сотрудники обсерваторий и т. п.).

В университетских уставах упоминаются следующие категории преподавателей: а) ординарный профессор; б) экстраординарный профессор; в) адъюнкт; г) доцент; д) приват-доцент; е) лектор.

О правовом статусе профессора будет сказано особо, здесь дадим краткую характеристику остальным категориям преподавателей.

Лектор упоминается в Общем уставе 1835 г. и в двух последующих уставах. Насколько можно судить, на эту категорию преподавателей возлагалось преподавание иностранных языков (в том числе на факультете восточных языков Петербургского университета).

Должность (звание) *адъюнкта* предусматривалась в уставах 1804 г. и в Общем университетском уставе 1835 г., хотя сама по себе такая должность была традиционной для европейских университетов и реально существовала в наших университетах до 1804 г. По своему функциональному предназначению адъюнкт выступал

в качестве помощника профессора, выполняя его поручения и при необходимости заменяя его на период отсутствия последнего («адъюнкты суть помощники профессоров, разделяющие с ними, по назначению совета, преподавание и занимающие, за болезнь или отсутствием профессоров, временно их кафедры», п. 90 Устава 1835 г. Вместе с тем адъюнкт был вправе читать самостоятельный курс (в пределах учебной программы кафедры) и являлся членом факультетского собрания и совета университета. Общим университетским уставом 1863 г. должность адъюнкта была упразднена.

Должность *доцента* была предусмотрена Уставом 1863 г. и она, в общем, заменила упраздненную должность адъюнкта (правда, при этом существенно ограничивались права доцента в сравнении с адъюнктом на участие в факультетских собраниях и совете университета). Категория *приват-доцента* упоминается в Уставе 1863 г., его функции как преподавателя тождественны функциям доцента (адъюнкта). При введении в действие Устава 1884 г. штатная должность доцента была упразднена, и тех из лиц, занимавших упраздняемую должность, которые приобрели известность своими научными трудами и даром преподавания, было предложено возвести в звание экстраординарных профессоров, «не требуя от них для сего докторской степени, но обязав их в приобретении оной для дальнейшего повышения в ординарные профессора»; другие, «если преподавание их признано будет полезным», временно исполняют обязанности по вакантным профессорским должностям, «возобновляя в случае надобности и приносимой пользы таковое поручение ежегодно», всех остальных доцентов оставить за штатом, предоставив им читать лекции в качестве приват-доцентов.

Должность приват-доцента не являлась *штатной*. За этой характеристикой скрывалось несколько моментов: а) эта должность не предусматривалась утверждаемым в установленном порядке *штатом* Императорских российских университетов и, стало быть, численность должностей приват-доцентов в Университете никак не нормировалась⁴¹, ограничиваясь лишь суммами, отпускаемыми Университету на их содержание; б) размер вознаграждения за труд по этой должности также не был нормативно определен⁴²; в) приват-доценты не являлись государственными служащими (хотя время работы в этом качестве учитывалось при поступлении на государственную службу, а также в стаже, необходимом для присвоения звания заслуженного профессора, ст. 150 Устава 1884 г.). Согласно § 138 Устава 1863 г., «приват-доценты не считаются в государственной службе, но доколе остаются на должностях, пользуются преимуществами классных чиновников», однако, поскольку более поздний Устав 1884 г. этой нормы не содержит, надо полагать, она утратила силу.

Профессор издревле является основным «действующим лицом» в системе университетского образования. Определение профессора в качестве *ординарного* по-прежнему, по моим наблюдениям, не ранее начала XIX в.; понятие *экстраординарного* профессора закрепляется в Общем университетском уставе 1835 г.

⁴¹ «Каждый факультет состоит из декана, профессоров ординарных и экстраординарных, доцентов и лекторов, по штату. Сверх того университетам предоставляется иметь приват-доцентов в неограниченном числе» (§ 6 Устава 1863 г.).

⁴² «Приват-доценты получают вознаграждение из особо назначенной на этот предмет штатной суммы. Размер сего вознаграждения определяется министром народного просвещения на основании представленного ему чрез Совет и попечителя ходатайства факультетского Собрания или по представлению попечителя, или по собственному усмотрению министра» (ст. 112 Устава 1884 г.).

Поскольку мне не удалось по недостатку времени сделать уточнения относительно хронологии этого вопроса путем ознакомления с росписью штатов университетов, рискну сделать предположение следующего порядка.

Необходимости в выделении особого понятия «ординарный профессор» не существовало в XVIII в. ввиду того, что как количество российских университетов, так и общее число профессоров в них были весьма незначительным. Так, например, штат Санкт-Петербургской Императорской Академии наук и художеств 1747 г.⁴³ включал в себя помимо ректора Университета (он же историограф) *пять* профессоров (элоквенции и стихотворства; логики, метафизики и нравоучительных наук; древностей и истории литературной; математики и физики; истории политической и юриспруденции). Студентов, впрочем, полагалось еще меньше, нежели профессоров — три (впрочем, вероятно, здесь имеются в виду только *казенные* студенты, *своекоштные*, разумеется, не учтены). С течением времени, однако, появилась необходимость, во-первых, в выделении категории *заслуженных* профессоров (о них ниже), во-вторых, в разделении на категории должностей самих профессоров — в связи с увеличением профессорского корпуса и усложнением (увеличением объема) преподаваемых дисциплин.

Ввиду этого последнего обстоятельства и происходит разделение должности (звания) профессора на две разновидности — профессора ординарного и экстраординарного. Как та, так и другая должности являлись штатными (т.е. предусматривались штатом Университета), а лица, занимавшие их, были штатными университетскими служащими по учебной части. Различие заключалось в том, что ординарный профессор занимал *кафедру* (т.е. с существенной долей условности может быть приравнен к современному заведующему кафедрой), экстраординарный профессор кафедры не имел. По-видимому, экстраординарным профессором чаще всего являлся молодой преподаватель, для которого эта должность являлась промежуточной ступенью к получению звания ординарного профессора. Например, в силу п. 79 Общего устава 1835 г. «кафедры, сообразно с штатами университетов, поручаются профессорам экстраординарным в двух случаях: 1) когда во время избрания совет не имеет в виду известного по той части преподавателя, достойного в полной мере звания ординарного профессора, и 2) когда есть ученый, который хотя по возрасту и не может быть ординарным профессором, но отличными дарованиями вознаграждает незрелость лет».

II. *Ученые степени и почетные звания в Императорском университете.* Такие ученые степени, как бакалавр, магистр и доктор, как известно, существовали в европейских университетах с древнейших времен.

Что касается российских университетов, то относительно XVIII в. мне встретилось в учредительных документах упоминание только о степени доктора, причем Проект об учреждении Московского университета говорит о степени доктора применительно только к медицинскому факультету, на котором должны были работать: доктор и профессор химии, доктор и профессор натуральной истории, наконец, доктор и профессор анатомии. Для двух других факультетов были установлены только звания профессоров (п. 5). Следует заметить, что этот факт вовсе не говорит о том, что других ученых степеней в то время вовсе не существовало,

---

⁴³ См.: Книга штатов // ПСЗ. Т. XLIV. Ч. 2. С. 47.

просто это свидетельствует о том, что данный вопрос не был урегулирован в централизованном нормативном порядке.

Так, например, Устав Виленского университета (1803) также говорит о *звании* доктора только применительно к ученым-медикам («профессоры, состоящие в звании докторов медицины или врачей...»). Вместе с тем, в силу Акта утверждения для Императорского университета в Вильне от 4 апреля 1803 г.⁴⁴, «Университет, на основании *древних постановлений* (курсив мой. — Е. Х.⁴⁵), имеет право удостоивать в академические, как нижние, так и высшие степени или достоинства магистров и докторов философии, медицины, прав и богословия, учинив заблаговременно в сих случаях строгие по Уставу испытания. Кандидаты испытанные и произведенные Университетом в достоинство, не подвергаясь уже ни каким другим испытаниям, непосредственно вступают в отправление своих званий» (п. XI).

Положение о производстве в ученые степени было утверждено в январе 1819 г.⁴⁶ Им устанавливались виды ученых степеней и порядок их присвоения. При этом действие Положения не распространялось на духовные учебные заведения, а также на служащих по медицинской части; в отношении них действовали особые узаконения.

В силу Положения предусматривались следующие ученые степени: студента (действительного), кандидата, магистра и доктора (§ 9). При этом «под наименованием студента действительного разумеется тот, кто кончил весь курс наук по своему факультету в университетах российских преподаваемых, и получил на то надлежащий аттестат». Как особо отмечается, «хотя обучающиеся еще в университетах и называются равным образом студентами, но они до окончания курса наук и достижения ими всего, сим Положением требуемого, не имеют еще действительной студентской степени» и не пользуются правами и преимуществами, предусмотренными Положением (§ 10).

Степень *кандидата* присваивалась студенту по окончании всего курса и при испытании оказавшему «отличные сведения, наипаче же особливые способности по какой-либо части, и в засвидетельствование познаний своих представивший письменное сочинение» (§ 11).

«Кандидат, желающий получить степень *магистра*, должен иметь полное сведение о преподаваемой ему системе науки в целом ее составе, в частях и связи их, так, чтобы он в состоянии был в порядке сообщить свои сведения другим или приложить их к употреблению» (§ 12).

«От получающего степень доктора требуется основательное и глубокое сведение о науках, по коим сия степень присвоивается, таким образом, чтобы он знал не какую-либо известную систему науки, но самую науку в существенных ее основаниях, в ее развитии и направлениях к общей и частным целям, и мог не только благоразумно следовать какой-либо известной методе или системе, но и глубоко судить о ней, деятельностью собственного ума открывать и исправлять в ней слабые

---

⁴⁴ ПСЗ. Т. XXVII. № 20701.

⁴⁵ При этом, вероятно, здесь имеются в виду «древние постановления» именно Виленского университета, который был основан в конце XVI в. и возобновил свою деятельность уже в Российской империи в начале XIX столетия.

⁴⁶ В. у. 20 января 1819 г. доклад Главного училищ правления о производстве в ученые степени, на основании Положения, у сего прилагаемого // ПСЗ. Т. XXXVI. № 27646.

места; дополнять недостатки, отсекаать неважные для цели подробности, усовершенствовать связь и порядок, очищать и укреплять основания» (§ 13).

Я не освещаю здесь устанавливаемые Положением правила проведения испытаний на получение искомой степени, ограничусь лишь тем, что оно устанавливало сроки приобретения ученых степеней: студент допускался к испытанию на кандидата не ранее чем через год по получении аттестата студента, кандидат на степень магистра — через два года, магистр на степень доктора — через три года (§ 18).

Общий устав 1835 г. о степени *действительного студента* не упоминает.

Однако Устав 1863 г. разделяет выпускников императорских университетов на две категории: «...окончившие полные испытания с отличным успехом, удостоиваются, по представлении ими диссертации, степени кандидата. Студенты же, оказавшие на испытаниях только успехи удовлетворительные, или, хотя и оказавшие отличные успехи, но представившие диссертации, не заслужившие одобрения, получают звание действительного студента». Те студенты, которые были удостоены медали или почетного отзыва, получали степень кандидата без представления диссертации (§ 94). Как указывает далее Устав, звание действительного студента приобретает по испытанию, а степень кандидата — по испытанию и по диссертации, одобренной факультетом. От ищущего степени магистра требуется, сверх нового устного испытания, публичное защищение диссертации. Магистры удостоиваются степени доктора только по представлению и публичному защищению ими диссертации (§ 111). Ученые степени приобретаются в порядке их постепенности и в установленные сроки: кандидат через год может искать степени магистра, а магистр — через год степени доктора. Университетам предоставляется, однако, право: а) знаменитых ученых, приобретших всеобщую известность своими научными трудами, возводить в высшую ученую степень прямо и без испытания, и б) ученых, имеющих степень доктора от иностранных университетов, допускать по усмотрению факультета к испытанию прямо на степень магистра (§ 113). Ученые степени могли быть приобретаемы как русскими подданными, так и иностранными (§ 114).

Устав 1884 г., насколько можно судить, устраняет степени действительного студента и кандидата. Вместо них для выпускников вводятся дипломы первой и второй степени (п. 81). При этом каждый из таких дипломов давал его обладателю право на прохождение испытания для получения ученой степени.

Как следует из Устава (п. 85), «на всех факультетах, кроме медицинского, полагаются две ученые степени — магистра и доктора, которые приобретаются последовательно, одна за другою. В исключительных случаях лица, пользующиеся известностью по своим научным трудам, могут быть допускаемы, согласно постановлению совета Университета и с разрешения министра народного просвещения, к испытанию прямо на степень доктора. На медицинском факультете полагается одна ученая степень — доктора».

К испытанию на степень магистра или по медицинскому факультету — доктора допускались лица, представившие один из дипломов выпускника вуза. В особо уважительных случаях факультет мог допустить к испытанию на степень магистра лицо, представившее докторский диплом иностранного университета (п. 86).

От ищущего степени магистра или по медицинскому факультету — доктора требовались устное испытание на факультете и публичная защита одобренной

факультетом диссертации. От ищущего степени доктора по другим факультетам требовалась лишь публичная защита одобренной факультетом диссертации (п. 87).

«Во внимание к выдающимся достоинствам представленной магистерской диссертации, факультету предоставляется ходатайствовать пред советом о возведении магистранта прямо в степень доктора» (п. 88). Кроме того, лица, приобретшие учеными трудами почетную известность, могли с утверждения министра народного просвещения быть возведены в степень доктора без испытания и представления диссертации, по ходатайству соответственного факультета, советом Университета, если в их пользу подано будет не менее двух третей голосов, участвовавших в постановлении совета (п. 89).

Испытания на ученые степени должны были производиться в присутствии полного состава факультетского собрания. «Министру народного просвещения предоставляется, если он признает нужным, назначать к присутствованию при сих испытаниях лиц, имеющих ученые степени по тем отраслям наук, из которых испытания производятся» (п. 90).

Отдельно следует сказать о звании *заслуженного профессора*. Насколько можно судить, это звание существовало в западноевропейских университетах издревле. О нем как о некоей обыденности упоминает, например, Акт утверждения для Императорского университета в Вильне от 4 апреля 1803 г.: «Всякой профессор, беспорочно и усердно исполнявший звание свое в продолжение 25 лет, будет почтен, по древнему обычаю сего Университета, именем заслуженного (*emeritus*)...» (п. XIX). Все другие университетские уставы, не исключая и последнего, 1884 г. (п. 106), также упоминают об этом почетном звании.

Как следует из всех университетских уставов, звание заслуженного профессора присваивалось по выслуге лет (25 лет). Насколько можно судить, каких-либо особенных прав, льгот и преимуществ получение этого звания не давало, и оно являлось, таким образом, исключительно мерой поощрения и своего рода благодарностью от общества за беспорочную многолетнюю службу.

Упомяну, наконец, о существовании во всех университетах на протяжении всей истории их существования в России звания *почетного члена* Университета. Это звание могло присваиваться как российским подданным, так и иностранцам.

III. *Правовой статус преподавателей Университета как государственных служащих*. Все штатные служащие Университета считались состоящими на государственной службе — со всеми следующими из этого положения льготами, преимуществами и обременениями.

Так, например, профессору полагалось содержание в виде столовых, квартирных, а также собственно денежного содержания.

Вместе с тем, насколько можно судить, должность (звание) профессора предполагала его обязанность как государственного чиновника исправлять свою должность в том университете, в какой сочтет необходимым его направить (или перевести) начальство. Именно поэтому мы целый ряд имен встречаем в качестве профессоров и Петербургского, и Московского, и Харьковского, и Казанского университетов, Университета святого Владимира или (для юристов) — Демидовского училища (в Ярославле).

В качестве государственного служащего профессор имел соответствующий *классный чин* по Табели о рангах.

Все университетские уставы, исключая Устав 1884 г., предусматривали для ректора *пятый класс*, для ординарного профессора — *седьмой*, для экстраординарного — *восьмой* классы, «и по предъявлении данных им от Университетского совета свидетельствам получают из Герольдии патенты на чины, сим классам соответствующие».

Замечу, что в силу Табели о рангах обладатель седьмого класса имел чин надворного советника и соответствовал воинскому чину подполковника (в пехоте) и капитана второго ранга во флоте (уставное обращение — «Ваше высокоблагородие»).

В силу Устава 1863 г. «профессоры, доценты, прозекторы и их помощники, лекторы, астрономы-наблюдатели, библиотекарь, его помощники, помощники проrektора и лаборанты производятся двумя чинами выше присвоенного их должностям класса» (§ 137). Что касается приват-доцентов, то они не считались в государственной службе, «но доколе остаются на должностях, пользуются преимуществами классовых чиновников» (§ 138).

Если судить по Временному штату российских университетов (применительно к Уставу 1884 г.), ординарные профессора имели *пятый*, а экстраординарные профессора — *шестой* класс (чин статского советника и коллежского советника; уставные обращения — «Ваше высочайшее» и «Ваше высокоблагородие»).

Докторам, магистрам, кандидатам и студентам классы присваивались при поступлении в *государственную службу* (восьмой, девятый, двенадцатый классы).

Подробности относительно *порядка* присвоения соответствующего класса я здесь опускаю.

IV. *О порядке назначения на должность профессора Университета и сроках службы.* Эти вопросы подробно были урегулированы в Общих университетских уставах. До этих уставов решение такого рода вопросов, как мне представляется, осуществлялось в индивидуальном порядке (поскольку речь шла о приглашении на должность профессора иностранных ученых). Впрочем, в значительной мере условия назначения на должность и прохождения службы с течением времени стали регулироваться в *обычном* порядке (применительно к условиям службы уже работающих университетских преподавателей).

Назначение на должность профессора осуществлялось путем его избрания университетским советом. При этом, как правило, конкурс на замещение вакантной должности объявлялся лишь в том случае, если отсутствуют кандидаты, предложенные иным способом. Как правило, любой профессор, будучи членом совета Университета, имел право предложить кандидатуру для замещения вакантной должности профессора. Избранный советом кандидат утверждался в должности профессора министром народного просвещения (который имел право своей волей заместить вакантную должность).

Срок службы в должности профессора, в силу всех университетских уставов, составлял 25 лет. По истечении этого срока профессору присваивалось звание заслуженного и его должность объявлялась вакантной. До Устава 1884 г. действовало правило, согласно которому эта должность замещалась в установленном порядке, причем заслуженный профессор имел право заявить о своем желании продолжить службу и мог заместить должность на общих основаниях сроком на пять лет. При этом допускалась возможность и последующих назначений данного лица на должность профессора.

Устав 1884 г. предполагал несколько иной порядок (п. 104–105): для продолжения службы при Университете профессорам, прослужившим 25 лет по учебной части, требуются ходатайство от попечителя и разрешение министра народного просвещения. Для других лиц по учебной части Университета необходимо в подобных случаях разрешение попечителя.

«По истечении тридцати лет учебной службы профессор не включается более в число штатных профессоров, но буде пожелает, сохраняет звание профессора, члена факультета и совета, имеет право читать лекции, равно как может быть определяем во все должности по Университету и заведывать, с разрешения попечителя, учебно-вспомогательными установлениями. Такому профессору может быть назначено министром народного просвещения вознаграждение сроком на пять лет в размере 1200 рублей в год. Вознаграждение сие производится независимо от выслуженной профессором пенсии и по истечении указанного срока может быть продолжено министром на следующее пятилетие пятилетие» (п. 105 Устава).

На условиях *выплаты пенсий* профессорам Университета и членам их семей я здесь не останавливаюсь.

3. Выводы

Изложенное выше позволяет выявить целый ряд существенных черт, различающих правовой статус преподавателя, прежде всего профессора российского императорского университета, и преподавателя (профессора) современного российского учреждения высшего профессионального образования.

I. Обратим внимание прежде всего на то *место*, которое занимает (занимал) профессор университета в организационно-управленческой структуре вуза. Законодательство Империи в этом вопросе формулирует вполне определенную и логичную позицию: профессор императорского университета есть член университетской корпорации *ученых*, а стало быть, он, единственно в силу своей должности, полноправный член органов этой корпорации — совета университета и факультетского собрания.

Как нам хорошо известно, современная ситуация существенно иная: у нас члены ученых советов как факультетов, так и вузов в целом *избираются*. При этом понятно, что не все профессора факультета (вуза) могут стать и становятся членами ученого совета, как в то же время в его состав могут быть избраны и избираются далеко не только профессора. В результате, надо признать, возникает довольно двусмысленная ситуация, когда, с одной стороны, профессора вуза (факультета) делятся на две группы с разным правовым статусом (одни — как бы не совсем профессора (ученые), поскольку они не являются членами *ученого* совета; другие — обладающие таким *формальным* статусом), а с другой стороны, и сам ученый совет также нельзя признать полностью «*ученым*» — ввиду неоднородности его состава.

Остается только гадать о причинах, обусловивших «демократический» порядок формирования ученых советов вузов в советскую эпоху — поскольку объяснения истинных причин введения такого порядка мы, скорее всего, не найдем ни в одном официальном документе. Можно только предположить, что такой причиной являлось стремление обеспечить проведение пресловутой «*линии партии*» в вузе, что можно было сделать посредством проведения в состав совета идеологически про-

веренных кадров (а среди профессоров, особенно в первые годы после Октября, далеко не все были сторонниками марксистско-ленинского учения).

Как бы то ни было, введение указанного порядка повлекло за собой разнородные и далеко идущие последствия.

Выше было показано, что на совет императорского университета возлагалась важнейшая, именно *кадровая* функция. При этом речь идет не только о назначении на должности профессоров, но и о приеме защит магистерских и докторских диссертаций, т. е. о государственной *аттестации* новых научных кадров.

Ныне, как известно, ученые советы вузов в значительной мере сохраняют за собой функцию назначения на должность преподавателей. Однако они практически полностью отстранены от процесса защит диссертаций. На мой взгляд, решение о передаче заслушивания защит кандидатских и докторских диссертаций в ведение каких-то особых специальных (специализированных) диссертационных советов, создаваемых *при* вузах, принятое еще в середине прошлого века, является глубоко ошибочным и настало время эту ошибку исправить.

Обращу внимание еще на один аспект чисто «трудоправового» характера. Если для профессора императорского университета участие в деятельности, в том числе в заседаниях, совета университета и факультетском собрании являлось элементом его трудовой функции, обязанностью, которую он должен исполнять, будучи профессором университета, то для профессора современного российского вуза обязательность такого участия основывается исключительно на акте его избрания в состав совета. Оно не входит в круг его трудовых обязанностей, соответственно не оплачивается. Стало быть, членство в совете есть исключительно общественная нагрузка, добросовестность исполнения которой гарантируется исключительно средствами этического и морального порядка (не в меньшей, а в большей степени это касается и членов диссертационных советов при вузах). Насколько оправданно такое положение?

II. Нельзя не обратить внимания также на принципиально разные подходы в трактовке *порядка возникновения и сроков* действия трудового правоотношения с участием профессора.

Назначение на должность и в прошлом и в настоящее время производилось путем избрания ученым советом. Однако современный порядок предполагает обязательное проведение конкурса, в то время как в прошлом конкурс практиковался не как правило, а как исключение из правил.

Не менее разительны различия в определении срока пребывания в должности профессора. В Российской империи, как мы видели, акт избрания на должность профессора производился однократно, определяя начало профессиональной карьеры человека в качестве профессора. В настоящее время производятся регулярные перевыборы профессора с периодичностью не реже чем раз в пять лет. В то же время в Империи законодательно определялся общий срок службы в должности профессора — 25 (30) лет, тогда как в настоящее время каких-либо сроков ни по возрасту, ни по выслуге лет для профессора вуза не предусматривается.

III. Укажем, наконец, еще на одну отличительную черту правового статуса профессора российского императорского университета: пребывание его в должности по законодательству трактовалось как вид *государственной службы*. Именно этим обстоятельством обусловлены и предельный срок пребывания в должности

(общий срок государственной службы составлял 25 лет), и установление материального содержания профессору на время исполнения им должности (столовые и квартирные (т. е. на съем квартиры) деньги), и пенсионное обеспечение профессора и членов его семьи после выхода в отставку или смерти. Все эти моменты существенно отличают положение дореволюционного профессора императорского университета от положения нынешнего преподавателя вуза, пребывающего в статусе лиц, которых в обиходе принято определять как «бюджетников».

В заключение хотелось бы выразить надежду на то, что предстоящая очередная реформа высшей школы будет хорошо продумана и проработана, в том числе и с учетом не только зарубежного, но и отечественного опыта.

Библиография

Аделунг, Фридрих. 1863. *Критико-литературное обозрение путешественников по России до 1700 года и их сочинений*. Пер. с немецкого Александра Клеванова. Часть II. Чтения в Императорском обществе истории и древностей российских при Московском университете. Кн. 3. Разд. IV. Москва: Университетская типография.

Карамзин, Николай М. 1993. *История государства Российского*. Т. IX–XII. Калуга: Золотая аллея.

Статья поступила в редакцию 29 июня 2023 г.;
рекомендована к печати 24 июля 2023 г.

Контактная информация:

Хохлов Евгений Борисович — д-р юрид. наук, проф.; e.hohlov@spbu.ru

About the legal status of university teachers of the Russian Empire

E. B. Hohlov

St. Petersburg State University,
7–9, Universitetskaya nab., St. Petersburg, 199034, Russian Federation

For citation: Hohlov, Evgeny B. 2024. “About the legal status of university teachers of the Russian Empire.” *Russian Journal of Labour & Law* 14: 7–27. <https://doi.org/10.21638/spbu32.2024.101> (In Russian)

Currently, a new reform of higher professional education is planned in Russia. This reform should address a very wide range of issues that characterize different aspects of the life of institutions of higher professional education, both organizational, defining the external forms of this life, and the substantive aspects of the activities of universities, i. e. those that determine the meaning of their very existence. It is quite obvious that any social reform, before starting its implementation, should have answers to three main questions. First of all, it requires the most detailed analysis of the current and current model, identification and statement of negative and, which is not excluded at all, positive aspects in its functioning. Secondly, we need to strive to build as detailed a project as possible of the model that should be created as a result of the reform. Finally, it is very important to develop a mechanism for the transition from the current model to the new one. This mechanism should also be very specific and variable. I would like to hope that the current reformers not only formulated these three questions, but also gave answers to them. When solving all three issues, it is necessary to rely on historical experience. On the one hand, practice gives us numerous examples of various types of educa-

tion models — both effective and questionable in this regard. On the other hand, there are no less numerous examples of actual education reforms, i. e. technologies of transition from one educational model to another. This experience must be taken into account. And Russia is no exception here.

Keywords: charter of imperial university of Russia, university teacher, professor, honored professor, full student, adjunct, associate professor, Academic Council, dean, rector, syndic.

References

- Adelung, Fridrih. 1863. *A critical and literary review of travelers in Russia before 1700 and their works.* Translated from the German by Alexander Klevanov. Part II. Readings at the Imperial Society of Russian History and Antiquities at Moscow University. Book 3. Section IV. Moscow: Universitetskaia tipografiia Publ. (In Russian)
- Karamzin, Nikolai M. 1993. *History of the Russian State.* Vol. IX–XII. Kaluga: Zolotaya alleya Publ. (In Russian)

Received: June 29, 2023

Accepted: July 24, 2023

Author's information:

Evgeny B. Hohlov — Dr. Sci. in Law, Professor; e.hohlov@spbu.ru